

Брестская церковная уния как элемент восточной политики Рима

А.В. Миронович,

Белостокский университет, г. Белосток, Польша

Во второй половине тринадцатого столетия Византийская империя очутилась под угрозой турецкого нашествия. Рим решил воспользоваться этим положением и предпринял попытку, начатую им ещё во время крестовых походов, — подчинить себе и византийскую церковь. Папа римский потребовал тогда, чтобы его власть была признана на всей территории Византии и, чтобы греки приняли его исповедание веры. На соборе, который состоялся в 1274 году в городе Лионе, во Франции, представители императора Михаила VIII-го, под давлением Рима, вынуждены были признать требования папы. Однако Лионскую унию решительно отвергли греческие епископы и греческие верующие. Также на соборе во Флоренции делегация императора Иоана VIII-го Полеалога 5-го июля 1439 г. подписала акт унии с Римским Костелом — за обещание оказания помощи для защиты Константинополя от турок. Византийской делегации был поставлен на этом соборе ультиматум, а не предложение оказания помощи христианам, оказавшимся в угрожаемом положении. Римские легаты не допустили даже до дискуссии о догматических расхождениях, разделяющих Восточную Церковь и Римский Костел. Православная сторона вынуждена была признать папскую власть и подтвердить принятие римского вероисповедания. Однако, несмотря на подписание флорентийского акта, Византия не получила помощи от католических государств. Оставленный в одиночестве Константинополь пал в 1453 году. [18; 20, с. 743-767;] Рим использовал тяжелое положение, в каком очутился цариградский патриархат, для подчинения Православной Церкви своей власти. Такую же политику папа римский проводил и в следующих столетиях. Таким образом, Рим, пользуясь тяжелым положением, в каком очутились христиане Ближнего Востока, попавшие под власть магометанской Турции, подчинили своей юрисдикции армян и сирийских мелькитов.

Флорентийская уния была отвергнута православными Церквями, а участвующий во флорентийском соборе епископ Иосиф, из Киева, был изгнан с русских земель. Обе унии: Лионская и Флорентийская, показывают, что Рим не был заинтересован в том, чтобы вернуть дух дружбы и сотрудничества между Церковью Восточной и Церковью Западной, а лишь в том, чтобы укрепить свою власть над восточными христианами. Рим не помог Греческой Церкви в её борьбе с агрессивным магометанским миром, не защитил христиан Ближнего Востока от турецкой неволи. [2, с. 338; , 24, с. 152-153; 16, с. 47-48; 31, с. 116-126] В XVI-ом столетии всё внимание папства было сосредоточено на борьбе с реформацией в Западной Европе и на подчинении своей юрисдикции православного населения Восточной Европы.

После Тридентского собора в Риме доминировали централистические тенденции. В политике папской курии преобладали взгляды, что вне Римского Костела нет спасения (*extra Ecclesiam Rumanum` nulla salus*). НИКТО не думал о диалоге с православными, о догматической дискуссии с Православной Церковью, а единственно об индивидуальных «обращениях» православных в латинство. Иезуит Антоний Поссевин, который безуспешно пытался обратить царя Ивана IV Грозного в католицизм, ссылаясь на официально занятую позицию руководства Римского Костела. «Однако из всех ошибок наиболее существенными и самыми большими ошибками было стремление убеждать греков и русинов в том, что не могут они получить спасения вне Католического Костела». Такая теория Рима исключала какие-либо переговоры с православными на тему единства двух равных себе Церквей. По мнению папства, православные могли лишь присоединиться к латинскому костелу, приняв его символ веры и признав примат папы римского. Уже в ходе переговоров с православными перед Брестской унией католические представители не обращались с существующей на русских

землях церковью как с Церковью-сестрой; отрицали правильность православных духовных таинств, а верных церкви Православной считали еретиками или нехристианами. Православные епископы, которые в 1594 году решились принять унию с римским Костелом, были убеждены в том, что действуют в пользу соединения всех Церквей, т.е. и всеобщей унии (*unio univenalis*). Западнороссы надеялись, что единство с Римом не приведет к расторжению общности с другими православными Церквями и не желали потерять собственные догматы Восточной Церкви, свое национальное лицо и православную обрядность, Однако оказалось, что Папский престол совершенно иначе представлял себе унию. По его мнению, уния с Римом должна означать однозначное принятие догматов Западного Костела (латинского) и полное расторжение всяких связей с Восточной Церковью. Когда в ноябре 1595 года два главных инициатора унии: епископ волыньско-владимирский, Ипатий Поцей, и епископ луцкий Кирилл Терлецкий, прибыли в Рим, то получили там 32 (тридцать два) условия, без исполнения которых не могли присоединиться к унии. Папа римский, Климент VIII (1592—1605), даже не хотел разговаривать о каких-либо уступках и гарантиях русинам. Он считал, что только полное присоединение к римскому Костелу является гарантией спасения. Такая позиция Рима исключала какие бы не было переговоры. Епископам — Поцею и Терлецкому — была предложена такая концепция унии, которая значительно отличалась от их ожиданий. Папскому престолу казалось недостаточным единство с русинской Церковью (т.е. с киевской митрополией). По его мнению, русины должны быть воплощены в римский Костел без каких-либо вступительных условий. Уния была сокращена до акта подчинения папе римскому, так как было констатировано, что восточные христиане, перед унией с Римом, проживали вне «настоящего» Костела Христова. Такую констатацию содержит папская булла *Magnus Dominus et laudabilis nimis* (1595 г.), обнародованная среди католиков и объявляющая унию с русинами. Объявляла она, что русинские епископы «не были членами Тела Христова, каким является Костел, так как не хватало им связи с видимым главой Его Костела — с верховным епископом римским». [5, с. 132; 14, с. 204-346; 15, с. 336-338; 4, с. 150-161, 305-308; 3, с. 540-564; 18, с. 367-370]

Папская булла не принимала в католицизм всю киевскую митрополию как таковую, со всеми её верующими, а принимала её верующих как лиц, приходящих на лоно католического Костела извне, поэтому православным епископам было приказано — принять римско-католическую веру, сохранив лишь восточную обрядность. Таким образом, — по разумению папы Климента VIII-го — уния не должна была преодолеть имеющиеся расхождения, а единственно распространить папскую власть и на русинов. Униженные епископы, Поцей и Терлецкий, в феврале 1596-го года, покинули Рим, обзавясь выполнить все папские требования. А тем временем папа римский отправил польскому королю и польскому римско-католическому епископу письма, содержащие просьбу — помочь православным епископам созвать синод, на котором будет объявлена церковная уния. Таким образом, Поцей и Терлецкий, возвращаясь из Рима домой, везли с собой не предназначение единства Церкви, а дальнейшие расхождения. Против призывов папы римского и деятельности изменнических епископов выступила православная шляхта, а также — православное духовенство. Против заключения унии выступил также князь Константин Острогский, православные монастыри и церковные братства. Историки Римско-католического Костела обращают обычно внимание на другие причины возникновения Брестской церковной унии: на внутренние конфликты в Православной Церкви, недостойное поведение её иерархии, деятельность церковных братств и цареградских патриархов, а также на создание московского патриархата. Факторы эти, несомненно веские, не были однако главной причиной возникновения Брестской унии. Уния эта была результатом послетридентской политики Рима по отношению к православным и протестантам. Для расширения своей власти Рим произвел реформу папской курии, создал нунциатуры и, наконец, в январе 1622 года учредил Конгрегацию Пропаганды Веры как самый высокий центральный орган по делам распространения католической веры. Цели эти должны были достигнуть путем соединения с Римом всех православных и протестантских

Церквей, а также миссионерской деятельностью среди населений иных вероисповеданий. [6, с. 13; 17, с. 19; 12, с. 212-214; 27, с. 23-38]

Выполняя постановления, содержащиеся в проекте унии, король Сигизмунд III (1587—1632) и митрополит Михаил Рагоза создали синод, который должен был состояться 6 октября 1596 года в Бресте. Изменившие православие епископы, Поцей и Терлецкий, использовали время перед синодом для усиленной агитации среди православной шляхты и духовенства. Помогало им в этом деле католическое духовенство, в особенности иезуиты. В день открытия синода прибыли в лагерь сторонников унии, вместе с бывшими православными епископами и королевскими посланниками, представители католического Костела, папские легаты и иезуитские теологи. Более многочисленным оказался лагерь противников унии. Состоял он из епископов: Львовского — Гедео́на Балабана и перемышльского — Михаила Копыстечского, из экзарха патриарха цареградского, Никифора, экзарха патриарха александрийского, Кирилла Лукариса, многих заграничных епископов, архимандритов, двухста (200) монастырских духовников и представителей церковных братств. Таким образом созданный синод сразу разделился на два синода: проуниатский и антиуниатский. Состав обоих синодов свидетельствует о том, что единственным, согласным законом Церкви и правомочным для принятия решений был антиуниатский синод. [1; 8; 13; 15, с. 336-338; 21, с. 80-82; 29; 30;]

Православная Церковь в тогдашней Речи Посполитой находилась под юрисдикцией константинопольского патриарха. Прибывший на этот собор экзарх константинопольского патриарха, Никифор, имел все полномочия для управления Православной Церковью и для принятия полномочных решений. Звание патриаршего экзарха и соответствующие полномочия имел и прибывший Кирилл Лукарис, будущий патриарх цареградский. Епископы, которые самовольно покинули Православную Церковь и порвали связи с константинопольским патриархом, подчиняясь папе римскому, подвергли себя каноническому закону исключения из Церкви. Этот аргумент имел существенное моральное значение для православия. Православный собор в Бресте стал собором местным, приняли в нём участие все круги духовные и светские. Согласно законоположению Православной Церкви, участие светских и духовных лиц в управлении делами Церкви стало не только практической деятельностью, но и законными правами Православной Церкви. Синод проуниатский отвергал законность участия в делах церкви светского элемента и принял позицию: действовать согласно с законами Католического Костела. Согласно этим законам, дела унии находились всецело в компетенции епископов. В создавшемся положении решение экзарха Никифора и православного собора о лишении духовных званий лиц, которые изменили православие и, вопреки желанию большинства верующих и рядового духовенства, приняли унию и перешли в подчинение папы римского, соответствовало каноническому праву Церкви. Решения униатского синода и западнорусских епископов, которые, чтобы добиться себе таких прав, как епископы римско-католические, отлучились от православия, не соответствовали каноническому праву, следовательно, не имели юридической силы. Несмотря на эти очевидные факты, король Сигизмунд III Ваза, будучи до изуверства преданным католицизму и ставившим блага Костела даже выше благ государственных, находясь, притом, под давлением папских нунциев и иезуитов, утвердил постановления только меньшинственного проуниатского собора, объявил ликвидацию Православной Церкви в Речи Посполитой и передал все земли и права этой Церкви униатам. Практически, в результате инспирации Рима, произошло разделение верующих Православной Церкви на два лагеря: православный лагерь с большинством духовенства, верующих и с двумя епископами, и лагерь униатский — с меньшинством верующих и рядового духовенства, но с большинством бывшей православной церковной иерархии, поддержанный королем, Католическим Костелом и государственной, по сути католической, администрацией. [10, с. 177-178; 14, с. 425-429; 22, с. 49-78; 25, с. 243-253; 26; 28.]

Брестская церковная уния привела к ряду вероисповедных конфликтов и разногласий в христианском лице, так как Рим превратно понимал «единство церкви». Инициаторы унии,

вместо единения, привели к дальнейшим разногласиям и конфликтам. Частичная уния с Римом была заключена за счёт новых разногласий, а втянутые в неё бывшие православные очутились в положении неполноправных христиан. Такую же политику проводил папский престол и в следующие столетия. Попытки ведения переговоров между униатами и православными, какие предпринимались в 1629, 1644 и в 1674 годах, были прерваны по вине папского престола: Рим не желал, чтобы дело дошло до каких-либо переговоров на тему догматов веры или же на темы организационные. Православные могли только безоговорочно принять унию, притом, на условиях, определённых буллой папы Климента VIII-го, т.е. принять догматы католической веры, признать власть папы римского и после этого разговаривать только о методах объявления унии. [9, с. 82-99; 19;] Такую политику проводил Рим по отношению к православным во всей восточной Европе. В 1760-ом году, при помощи австрийских войск, была навязана церковная уния Румынии, причём, при случае её введения, было уничтожено более 150 (ста пятидесяти) православных монастырей. Введению унии всегда сопутствовала так называемая «ребаптизация», т.е. вторичное крещение православных латинскими ксендзами. Такая практика применялась и по отношению к униатам, когда они принимали полное латинство, что имело место, например, в Молдавии при введении Ужгородской церковной унии. В XX-ом столетии ребаптизации были подвержены целые территории на Балканах, населённые православными. [7, с. 194; 23; 28; 32] Ребаптизация была применяема на территории Западной Сербии, Боснии и Герцеговины, особенно во время второй мировой войны, Всякие унии, провозглашаемые Ватиканом, всегда порывали связи с традициями церковей-сестёр. Политика Рима редуцировала понятие церковной унии до подчинения православных папской власти. Униатизм является ошибочной формой евангелизации и единства, поэтому стал он существенной проблемой в отношениях между Православной Церковью и Римско-Католическим Костёлом. За отклонением униатизма, как метода и образца для поиска единства Церкви, высказалась общая православно-католическая комиссия, которая в 1993 году работала в Баламанде, однако Ватикан не одобрил постановленной баламандской комиссии и в дальнейшем ведёт политику униатизма и прозелитизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Апокрисисъ. Сочинение Христофора Филалета в двух текстахъ, польскомъ и западнорусскомъ 1597-1599 года // *Памятники полемической литературы в Западной Руси*, Санкт-Петербург, 1882. Кн. 2. Стб. 1003-1820 [=Русская историческая библиотека Т. 7];
2. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 2. Ч. 1. Москва, 1900, с. 338.
3. Грушевський М. *Історія України-Руси*. Київ, 1909. Т. 7. С. 248, 540-564;
4. Коялович М. О. *Литовская церковная уния*. Санкт-Петербург, 1861. Т. 1. С. 150-161, 305-308;
5. Митрополит Макарий, *История Русской Церкви*, т. 4, Москва 1866, с. 132;
6. Макарий. *История Русской Церкви*. Санкт-Петербург, 1882. Т. 11. С. 13;
7. Свитич А., *Православная Церковь в Польше и её автокефалия*, Буенос-Айрес 1959, с. 194.
8. Скарга П. Берестейскій соборъ и оборона его. В двух текстах: польском и западнорусском // *Памятники полемической литературы в Западной Руси*. Санкт-Петербург, 1903. Кн. 3. Стб. 183-328 [= Русская историческая библиотека. Т. 19]
9. Титов Ф. И., *Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII-XVIII вв.*, т. 3, ч. 1, Киев 1916, с. 82-99;
10. Яцимирский А. И., Григорий Цамблак. *Очерк его административной и книжной деятельности*, Санкт-Петербург 1904, с. 177, 178.
11. Abraham W., *Powstanie organizacji Kościoła łacińskiego na Rusi*, т. 1, Lwów 1904, с.

120-127;

12. Ammann A., *Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte*, Wien 1950, c. 212-214;

13. Bieńkowski L., *Organizacja Kościoła wschodniego w Polsce*, [B:] *Kościół w Polsce. Studia nad historią Kościoła Katolickiego w Polsce*, под редакцией J. Kłoczowskiego, т. 2, ч. 2, Kraków 1969, c. 811.

14. Chodynicki K., *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370-1632*, Warszawa 1934, c. 204-346;

15. *Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum (1590-1600)* / Ed. A. Welykyj. Romae, 1970. № 227. c. 336-338.

16. Fijałek J., *Biskupstwa greckie w ziemiach ruskich od połowy w. XIV*, „Kwartalnik Historyczny”, т. 11, Lwów 1897, c. 47-48

17. Gudziak B., *Unia florencka a metropolia kijowska*, [=Polska – Ukraina. 10000 lat sąsiedztwa, Przemyśl 1994], c. 19

18. Halecki O., *From Florance to Brest (1439-1596)*, Romae 1958, c. 367-370;

19. Jobert A. *De Luther à Mohila. La Pologne dans la crise de la crétienté, 1517-1648*. Paris, 1974. S. 341-343 [= Collection Historiae de l'Institut d'Études Slaves 21];

20. Mironowicz A., (Αντώνιος Μιρόνοδιδης), *ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΕΣ ΟΥΝΙΕΣ ΣΤΑ ΠΟΛΩΝΙΚΑ ΕΛΛΑΦΗ ΚΑΙ ΟΙ ΣΥΝΕΠΕΙΕΣ ΑΥΤΩΝ* „ΟΙΚΟΥΜΕΝΙΣΜΟΣ Γένεση-Προσδοκίες-Διαψεύσεις”, ΤΟΜΟΣ Β, ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ 2009, c. 743-767.

21. Mironowicz A., *Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej*, Białystok, 2001. c. 80-82.

22. Mironowicz A., *Die orthodoxe Kirche und die Union auf dem Territorium der polnischen Republik in den Jahren 1596-1620* [in:] *Die Union von Brest (1596) in Geschichte und Geschichtsschreibung: Versuch einer Zwischenbilanz*, Herausgegeben von Johann Marte und Oleh Turij, Lviv 2008, c. 49-78.

23. Mironowicz A., *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, Białystok 2005.

24. Mironowicz A., *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów*, Białystok 2003, c. 152-153.

25. Mironowicz A. *Kościół prawosławny w Polsce*. Białystok, 2006. c. 243-253.

26. Mironowicz A., *Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza*, Białystok 1997.

27. Mironowicz A., *Wokół sporu o przyczyny unii brzeskiej*, [=Białoruskie Zeszyty Historyczne, № 2(4), Białystok 1995], c. 23-38;

28. Mironowicz A., *The Easter Christian Tradition in Poland and its Neighbors*, Białystok 2010.

29. Pekar A., *The Union of Brest and Attempts to Destroy it*, „Analecta Ordinis S. Basilii Magni”, т. XIV (XX), Roma 1992

30. Pelesz J., *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart*, т. 2, Würzburg–Wien 1881;

31. Runciman S., *Wielki kościół w niewoli*, Warszawa 1973, c. 116-126.

32. Rzemieniuk F., *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego. Neounia*, Lublin 1999.